

- ³⁵ Там же. Д. 120. Л. 1—2, 4, 6.
³⁶ Там же. Л. 12.
³⁷ Там же. Л. 31.
³⁸ Там же. Д. 134. Л. 14—15, 18.
³⁹ Там же. Д. 178. Л. 10.
⁴⁰ Там же. Д. 177. Л. 1—6.
⁴¹ Там же. Ф. Р-1583. Оп. 2. Д. 1329. Личное дело Травкина Я. Ф.
⁴² Сведения за 1931—1934 гг. взяты из переписки Вышневолоцкого госархива с Московским областным архивным управлением, сохранившей в делопроизводстве Вышневолоцкого госархива.
⁴³ Инструкция по выделению макулатуры. Москва. МОАУ. 1933. Л. 20.
⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 11. Л. 8 об.
⁴⁵ Там же. Ф. Р-1582. Оп. 1. Д. 81. Личное дело Сзюва В. Г.
⁴⁶ Там же. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
⁴⁷ Там же. Д. 26. Л. 11. Д. 223. Л. 17—17 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 192. Л. 61. Д. 223. Л. 4. Д. 322. Л. 7 об.
⁴⁹ Там же. Д. 205. Л. 51.
⁵⁰ Там же. Д. 266. Л. 1, 5—7.
⁵¹ Там же. Д. 168. Л. 1—2.
⁵² Там же. Д. 580. Л. 56.
⁵³ Там же. Д. 233. Л. 14.
⁵⁴ Там же. Д. 382. Л. 11.
⁵⁵ Там же. Д. 303. Л. 21.
⁵⁶ Там же. Д. 211. Д. 218. Л. 5, 7, 14.
⁵⁷ Там же. Д. 233. Л. 18.
⁵⁸ Там же. Оп. 2. Д. 774. Личное дело Костина П. И.
⁵⁹ Там же. Л. 71.
⁶⁰ Там же. Л. 10.
⁶¹ Там же. Оп. 1. Д. 1283. Л. 115.
⁶² Там же. Д. 1548. Л. 62.
⁶³ Там же. Д. 2053. Л. 44, 50.
⁶⁴ Там же. Д. 460. Л. 1.
⁶⁵ Там же. Д. 811. Л. 109.

Макулатурные кампании в военных архивах России (1919—1931 гг.)

Т. А. ШЕРБИНА

В первые годы советской власти российские военные архивы понесли огромный ущерб. Были уничтожены бесценные источники по истории русской армии за период конца XVIII — начала XX в. Частично эта тема уже привлекала внимание исследователей. История военных архивов, в том числе и ход «макулатурной кампании», являлись предметом исследования в статье А. В. Короткова¹. Вопросы комплектования архивов материалами первой мировой и гражданской войн, условия их хранения, использование и уничтожение нашли свое отражение в монографии В. Д. Поликарпова². Интересные наблюдения об уничтожении документов различных архивов сделаны в диссертации В. Г. Бухерта³.

Существующий ныне Военно-исторический архив сложился в основном из четырех крупных комплексов фондов — Военно-ученого архива, Московского отделения общего архива Главного штаба, Лефортовского архива, Московского военно-окружного архива и комплекса фондов, содержащих материалы первой мировой войны 1914—1918 гг. «Макулатурная кампания» в различной степени коснулась материалов каждого комплекса.

Во время первой мировой войны документы войсковых частей поступали с фронтов в Московское и Петроградское отделения Военно-ученого архива. В начале войны были разработаны правила и сроки сдачи дел, оговорен порядок сдачи. Но на фронте не всегда было время для соответствующей их обработки, и с течением времени правила все чаще нарушались: дела поступали без описей, в тюках, кулях и ящиках. Большой частью они сваливались во всех проходах, подвалах и на лестницах Лефортовского дворца. Достаточного места для их хранения не было. Дела, поступившие в архивы, не были застрахованы от уничтожения. Приказ Наркомата по военным делам № 237 от 27 марта 1919 г. предписывал уничтожить «все дела секретные и не подлежащие оглашению, за исключением оперативных и исторических». Такая формулировка открывала широкий простор для произвольной трактовки и включения в разряд уничтожаемых самых разнообразных документов. Положение ухудшалось отсутствием квалифицированных специалистов, способных правильно оценить огромное документальное наследие дореволюционной России.

27 марта 1919 г. вышло постановление СНК РСФСР «О принятии местными военными комиссариатами всех архивов и дел расформированных частей, штабов и управлений старой армии, относящихся к периоду войны 1914—1918 гг.»

Согласно этому документу ответственность за сохранность местных военных архивов возлагалась на военных комиссаров, у которых не было ни средств, ни помещений для организации сбора и хранения этих документов. Материалы войны гибли в огромных количествах.

К плохим условиям хранения добавилось сознательное, целенаправленное уничтожение архивных документов в ходе так называемых «макулатурных кампаний». Страна остро нуждалась в бумаге, и восполнить эту нужду было решено за счет архивов.

Летом 1919 г. в СНК РСФСР готовился декрет «О переработке в бумагу записей капиталистического хозяйства и прежних правительственных учреждений», обрекавший на уничтожение документы дореволюционных государственных учреждений и организаций. Он, к счастью, не был принят как официальный документ, но достаточно широко применялся на практике. 9 сентября 1919 г. заведующий Главным управлением архивным делом Д. Б. Рязанов (впоследствии — директор Института Маркса—Энгельса) сообщил в Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) и в Главное управление государственными предприятиями бумажной промышленности (Главбум) об архивах, чьи материалы могут быть использованы на макулатуру. В этой информации Лефортовский архив выделен среди других. Д. Б. Рязанов писал, что «в Лефортовском архиве (Коровий Брод, д. № 1) в настоящее время имеется архивного материала, подлежащего уничтожению, приблизительно, на глаз, до 20 000 пуд.»⁴. Что касается других военных архивов, то по словам того же Д. Б. Рязанова, в отделе Главного штаба макулатуры до 600 пудов, в казначеем подотделе — до 200 пудов и т. д. Вот так, «на глаз», одним росчерком пера власть придерживающего была решена судьба военных архивов.

12 сентября 1919 г. во все архивы поступило циркулярное письмо ГУАД, в котором предписывалось начать работу по выявлению подлежащих уничтожению архивных фондов. А уже в октябре — декабре из Лефортова было вывезено в переработку почти столько, сколько назвал Д. Б. Рязанов.

Согласно акту № 8 от 14 ноября 1919 г. для нужд Главбума выделено к уничтожению: «1) Дела штаба отдельного корпуса внутренней стражи 1816—1865 гг. (кроме 1831, 1849, 1854—1856, 1861 гг.) весом около 800 пудов. 2) Дела отдельного гренадерского корпуса за те же годы, весом около 400 пудов. 3) Ведомости о штатном, списочном и наличном состоянии войск весом около 100 пудов. 4) Телеграммы турецкой войны 1877—1878 гг. весом около 200 пудов. 5) Дубликаты печатных приказов весом около 500 пудов. 6) Дела турецкой войны весом около 2500 пудов. 7) Рекрутские наборы с 1828 по 1865 г., 1500 пудов»⁵.

При этом председатель комиссии по отбору дел на уничтожение З. А. Мицкевич просил ГУАД как можно быстрее дать телефонограммой разрешение на уничтожение этих материалов «ввиду настойчивых и спешных требований Главбума сдать в возможно большем количестве архивного материала»⁶.

В том же ноябре 1919 г., как свидетельствуют документы⁷, было уничтожено 2000 пудов «Именных списков генералов, штаб и обер-офицеров по старшинству в чинах» за 1800—1913 г. Это была весьма ощутимая потеря для архива, так как этот вид документов используется для наведения справок об офицерском составе русской армии. Именные списки содержат сведения о сословном происхождении, семейном положении, краткие данные о прохождении службы и наградах, дают исчерпывающие сведения о составе офицерского корпуса каждого конкретного подразделения, части, управления и т. д.

Во время как руководство архива, стремясь выполнить распоряжения начальства и требования Главбума, форсировало передачу дел на уничтожение, в том числе и за счет сдачи дел без предварительного представления описи выделенных дел в поверочную комиссию ГУАД, сотрудники архива, наиболее компетентные и неравнодушные, вставали на защиту документов. Самым активным среди них был старший архивист И. И. Успенский. В своем рапорте 22 октября 1920 г. он писал, что за 1919—1920 гг. в распоряжение Главбума было вывезено «несколько категорий весьма ценных в научном отношении дел, безо всякого предварительного осмотра их специальной комиссией, а именно: все дела комиссарского и провиантского департаментов, внутренней стражи и отдельного гренадерского корпуса, дела по войне японской и турецкой 1877—1878 гг., все рекрутские на-

боры, формулярные списки всех войсковых частей с 1833 по 1848 г. и что-то еще другое, всего в количестве 20 тысяч пудов»⁸. После этого основное ядро архива уничтожить временно перестали, а начали, как свидетельствует Успенский, «вывоз дел по минувшей войне 1914—1918 гг. Хотя они вывозятся не подряд, а за отборкой тех из них, которые важны с научной точки зрения или для справок практического характера, но, к сожалению, эта отборка производится самым спешным образом и потому без более или менее строгого соблюдения давно уже выработанных на этот счет архивной практикой формальностей, а главное, не коллегиальным, как следовало бы порядком, а отдельными сотрудниками, притом почти сплошь не имеющими для подобного рода занятий никакой подготовки. Результаты такой работы понятны сами собой»⁹.

Взяться за перо И. И. Успенского вынудила ни с чем не сравнимая потеря: 19—20 сентября 1920 г. из Лефортовского архива неожиданно начали вывозиться все формулярные списки и месячные рапорты о состоянии полков, начиная с 1793 и кончая 1913 г., за исключением лет, в которые велась войны (1812—1815, 1828—1831, 1849, 1854—1855 и др.). Не последнюю роль сыграл в этом главный инспектор ГУАД, известный историк В. И. Пичета. Он еще летом 1920 г. побывал в Лефортове с инспекцией и высказал мысль о возможности уничтожения 30—40 тысяч пудов этих дел¹⁰. Часть указанных материалов была буквально изъята у архивистов, работавших над созданием справочных изданий, и сдана в макулатуру.

И. И. Успенский написал несколько рапортов на имя руководства, разъясняя важность этих документов и призывая вернуть их с переработкой. После этих настоячивых просьб ГУАД, наконец, обратилось в Главбум с просьбой: «Так как по имеющимся в Главархиве сведениям в настоящее время острота бумажного кризиса проходит, то Главархив просит задержать сдачу для переработки последней партии архивного материала, состоящего из послужных списков военных чинов и месячных рапортов и вернуть их для детальной разработки в Главархив. Если же последнее не представляется возможным, то Главархив просит допустить сотрудников Главархива при сдаче материала на фабрику для изъятия небольшого количества дел, сохранение которых совершенно необходимо»¹¹. Именно это «небольшое» количество дел и было возвращено в архив, а огромный комплекс материалов — месячные рапорты за 1793—1811, 1816—1826, 1832—1848, 1850—1853 гг., послужные и формулярные списки за 1805—1811, 1816—1827, 1832—1848, 1850—1853, 1856—1862, 1864—1874 гг. — утрачен безвозвратно¹². Общий объем их составил свыше 10 000 пудов. Для историков утрата этих документов невосполнима. Формулярные списки содержат исчерпывающие сведения об офицерском корпусе. В них входят данные о сословном происхождении, вероисповедании, семейном и имущественном положении офицеров, детально описано прохождение службы: в каких частях и когда служил, когда бывал в отпусках, в каких военных кампаниях и походах участвовал, какие имеет награды, взыскания и т. д. Тот небольшой (по сравнению с уничтоженным) комплекс формулярных и послужных списков, которым располагает РГВИА, в настоящее время активно используется для наведения справок и исполнения запросов биографического характера. Спектр их очень широк, так как подавляющее большинство деятелей науки, техники, культуры дореволюционной России служило в армии, училось в военных учебных заведениях.

Серьезно пострадали картографические материалы периода первой мировой войны. В ноябре 1920 г. для изучения использования этих материалов в Лефортовский архив был направлен старший инспектор Военно-морской и полевой рабоче-крестьянской инспекции Гуревич. Вот что он писал в акте, составленном по результатам проверки: «... При расформировании частей старой армии в архив были присланы одновременно в период 1918 г. ликвидационными комиссиями расформируемых частей и прямыми частями войск дела в ящиках и кулях; таких ящиков было около 6000, большинство без описей. Все карты и планы, обнаруживаемые при вскрытии ящиков, отправлялись в библиотеку архива, в 1920 г. бывшим управляющим архивом тов. Мицкевичем сделано было распоряжение, чтобы карты и планы, как и прочее ненужное, отправлялись в Главбум. Из этих то ящиков, согласно заявлению старшего архивариуса тов. Жеребцова, работающего в данной должности с 1918 г., брались и берутся сотрудниками бумага, в том

числе и карты для своих нужд... Для Бутырского дома принудительных работ отпущено было 10 пудов карт для оклейки окон»¹³. Вот такое применение для карт было найдено архивным руководством. Они не были разобраны и систематизированы, никто не обратил внимание на то, что на них нанесены ежедневные изменения положения на фронте. Этот источник значительно облегчил бы работу историков и помог детально описать ход боевых действий. Учет карт не велся, поэтому восстановить, что и на какие нужды ушло, невозможно. Карты и планы использовались как оборотный материал, для укрепления обложек, а также для растопки печей. Инспектор Гуревич предложил произвести выявление всех карт и планов, описать их, представить копию описи в инспекцию и впрямь строго следить за рациональным использованием карт, не сдавать их в Главбум, а извещать заинтересованные организации о наличии документов, планов и карт в целях использования их «для текущих военных надобностей»¹⁴. Однако это не спасло огромное количество карт и планов военного времени от уничтожения.

Официально было запрещено уничтожать дела, не имеющие пятилетней давности. Однако среди макулатуры нередко попадались приказы РВСР, губернских военных комиссариатов, секретные приказы за период первой мировой и гражданской войн. Они чаще всего обнаруживались в лавке Центрархива, занимавшейся продажей книг, тиражированных материалов, а также макулатуры на переработку¹⁵. В октябре 1923 г. в лавке было продано 300 пудов приказов по военному ведомству по 1 руб. 90 коп. золотом за пуд (курс 1 рубля золотом на тот период составлял 600 рублей денежными знаками 1923 г. выпуска). В этой же лавке на переработку было продано 100 пудов полковых историй — уникальных источников, содержащих подробные сведения о создании, боевом пути и реорганизациях полков русской армии. Из полковых историй были изготовлены пакеты.

Только в середине 20-х годов комиссия по проверке дел, выделенных к уничтожению, полностью развернула свою деятельность, приостановив тем самым варварское уничтожение документов. Были подготовлены подробные перечни дел, подлежащих уничтожению; на выделенные дела составлялись подробные описи. В Лефортовском архиве за 1925—1928 гг. предполагалось выделить к уничтожению 52 150 пудов дел.

Распоряжения об уничтожении дел, как правило, не документировались, а отдавались лично или по телефону. Но в фонде архива РГВИА сохранились, хотя и не очень полные, но достаточно подробные сведения о содержании уничтоженных документов. Помимо уже упоминавшихся выше материалов турецкой войны 1877—1878 гг., русско-японской войны, формулярных списков и месячных рапортов, к уничтожению были выделены материалы Экономического комитета Департамента военных поселений, часовые книжки и отдельные дела из разных фондов, журналы входящих и исходящих документов, дублетные экземпляры приказов по войскам, приходно-расходные материалы, счета и т. д. Однако, в журнале регистрации дел, выделенных к уничтожению и отправленных на переработку, встречаются и такие записи: «документы неизвестных фондов — 2000 пудов». Что скрывалось под этой фразой никто и никогда не узнает. Случай отправки в макулатуру нераспечатанных «кулей и тюков» с делами были не столь редки, особенно в начале макулатурной кампании. Большой частью они содержали документы периода первой мировой войны. Судя по некоторым статистическим данным, с фронтов в архив поступило несколько миллионов дел, а в настоящее время объем этих материалов не превышает 600—700 тыс. дел.

Только с середины 20-х годов составлялись подробные описи дел, выделяемых к уничтожению. Они утверждались протоколами специальных комиссий.

Всего за 1919—1931 гг. было уничтожено, согласно книге записей дел 70 354 пуда (т. е. свыше 1125 т) материалов архива, в 1932 г. — 45 т, в 1933 г. — около 35 т¹⁶.

Такова неутешительная статистика потерь только одного Российского государственного военно-исторического архива. Подобная участь постигла и многие другие архивы России. Ущерб, нанесенный архивам в ходе «макулатурных кампаний», невосполним.

¹ См.: Коротков А. В. Военные архивы в первые годы советской власти (1918—1921 гг.) // Советские архивы. 1990. № 4. С. 56—65.

² См.: Поликарпов В. Д. Начальный этап гражданской войны (История изучения). М., 1980.

³ См.: Бухерт В. Г. История Архива

Межевой канцелярии (Центрального межевого архива). 1768—1939 гг. // Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1991.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 148. Л. 41—42 об.

⁵ РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 2397. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 1000. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 1001. Л. 11.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 11 об.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 148. Л. 149—149 об.

¹² РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1002. Л. 44 об.

¹³ Там же. Д. 2973. Л. 8—9.

¹⁴ Там же. Л. 9.

¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 652. Л. 7—10.

¹⁶ См.: РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1000.